

ШКОЛА ТРУДОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

=====

**Интернациональный университет трудящихся
и эксплуатируемых (Рабочий университет)**

**ТРУДОВАЯ
ДЕМОКРАТИЯ**

№ 55

=====

*Из цикла
“Глобализация и профсоюзное движение”*

**Ракитский Б.В.
Ракитская Г.Я.**

**ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ
РЕФОРМ 1990-2000-х годов
НА ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ
РОССИИ**

Москва, 2007

Ответственные за выпуск:
Б.В. Ракитский
Г.Я. Ракитская

Трудовая демократия. Выпуск 55. Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ РЕФОРМ 1990-2000-х годов НА ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ РОССИИ. - М.: Школа трудовой демократии. 2007. 59 с.

© Б.В.Ракитский и Г.Я.Ракитская – текст.

© Школа трудовой демократии, 2007.

© Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет), 2007.

Школа трудовой демократии
119571, Москва, пр.Вернадского, 113-244
Телефон/факс: (495) 434-52-80

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ РЕФОРМ 1990-2000-х годов НА ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ РОССИИ

1. Множественность государственных и научных оценок важнейших исторических событий, процессов и общественных состояний в нашей стране в 1970-1990-е и в 2000-е годы

Социальная революция 1989-1991 гг. и последовавшие революционные реформы существенно изменили положение трудящихся России. Перемены вышли разнонаправленные, привели к качественному улучшению одних и качественному ухудшению других важных общественных условий жизнедеятельности трудящихся. Обстановка труда, семейно-бытовые условия, досуговая сфера - всё это изменилось почти что коренным образом.

Перемены подобной глубины, да тем более в короткие сроки осуществляются не самотёком. Их кто-то замышляет, планирует, продвигает в жизнь, продавлиывает; кто-то, напротив, не желает, сопротивляется или покорно принимает.

В России 1990-2000-х годов реальными субъектами (участниками) перемен были: российское государство, российское предпринимательство, международный капитал и государства "Большой семёрки", российские трудящиеся.

Влияние реформ на положение трудящихся - это вопрос социальной политики. Социальная политика (воспроизведём здесь её научное определение) есть не что иное, как субъектные взаимодействия социальных групп (классов), а также общностей (народы, семьи, территориальные общности) по поводу их соотносительного общественного положения. Проще говоря, социальная политика - это вопрос о том, кому на Руси жить хорошо, а кому - плохо и очень плохо?

Логику формирования, особенности разных этапов и итоги реальной социальной политики государственной и муниципальной властей следует рассматривать в широком контексте предыстории и истории радикальных (революционных) общественных преобразований в новой России. Существенно важно при этом, что существует множественность оценок всех важнейших исторических событий, процессов и общественных состояний в СССР и в новой России. Различаются как государственные, так и научные (неофициальные) оценки.

Современным россиянам (в том числе и выросшим уже в послетоталитарной России) очень трудно привыкнуть к реальной множественности идеологий и теорий общественного развития. Всё хочется “объявленной ясности”, всё кажется, что официальная государственная оценка события или общественного процесса “главнее” и “истиннее” негосударственной (например, проистекающей как вывод из научного исследования). И уж совсем шокирует наше сознание простой в общем-то факт: принципиально разные оценки одних и тех же событий, процессов и состояний общества истинны. Дело обстоит не так, что из множества оценок верна лишь одна, а остальные ошибочны. Нет, каждая верна (если, конечно, она достаточно аргументирована). Правд (истин) много, а если сказать научно точно, то истина¹ структурна. Структурна в той мере, в какой структурно общество. Разные классы, социальные группы, общности по-своему видят одно и то же общество, его прошлое, настоящее и будущее. Принципиально разное (классово разное) видение и проявляется во множественности оценок. Наш добрый совет: старайтесь понять разнообразные оценки, вникнуть в их внутреннюю логику. Не будьте настолько бескультурными, чтобы объявлять ошибочными все позиции, кроме вашей. Помните, что ваша позиция кажется ошибочной носителям всех иных позиций. Учитесь жить и общаться в демократическом пространстве идеологического многообразия, в режиме кон-

¹ Истина - процесс познания, но нередко под истиной понимают и результат познания.

ституционного запрета установления какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной (статья 13 Конституции РФ).

После этих напоминаний обратимся к государственным и научным оценкам состояния общества в СССР и в новой России, а также исторических процессов последних десятилетий в нашей стране. Это оценки того общественно-исторического контекста, в котором формировалась и осуществлялась государственная и муниципальная социальная политика.

Характер общества в СССР. Согласно официальной государственной оценке, в СССР было построено развитое социалистическое общество, для которого характерны:

- общенародное государство;
- отсутствие антагонистических классов;
- общенародная собственность на средства производства;
- высший, социалистический тип демократии (подлинной демократии), качественно превосходящий буржуазную демократию;
- руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, являющейся ядром политической системы общества, государственных и общественных организаций;
- юридическое и фактическое равенство всех наций и народностей, их братское сотрудничество².

Имелись иные, в основном научные оценки характера общественного строя в СССР. В сводном виде эти альтернативные оценки можно выразить так:

- в СССР в результате событий конца 1920-х - начала 1930-х годов сложилось тоталитарное общество;
- государство в СССР было типичным тоталитарным режимом с командно-карательным типом управления экономикой и общественными процессами;

² Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. - М.: 1977.

- демократия отсутствовала, партия власти (КПСС) имела монополию на всю власть в обществе и в хозяйстве;

- социальная структура общества в СССР была кастовой. Правящая каста - номенклатура - была единственным реальным субъектом общественных действий; остальные касты были декоративными субъектами;

- общество было эксплуататорским по существу. Социалистическая фразеология лишь прикрывала эксплуатацию, осуществлявшуюся в особо жёсткой, государственной форме. Уровень эксплуатации был выше, чем в развитых капиталистических странах;

- взаимоотношения народов, входящих в СССР, с "сильным союзным Центром" строились на имперских принципах, как взаимоотношения колоний с метрополией;

- тоталитарное государство СССР было нацелено на внешнюю экспансию и милитаризацию хозяйства.

Монополия КПСС на власть и имперский характер союзного государства были двумя основными тормозами на пути развития.

Советский Союз перестал существовать в 1991 г. В нынешних условиях немалая часть населения нашей страны продолжает считать общество в СССР и социалистическим, и демократическим, и общенародным. Современная официальная оценка характера общества в СССР - тоталитарное общество.

Справка: "**Тоталитарный режим** - политический строй, при котором государственная власть в обществе сосредоточена в руках какой-либо одной группы (обычно политической партии), уничтожившей в стране демократические свободы и возможность возникновения политической оппозиции, полностью подчиняющей жизнь общества своим интересам и сохраняющей свою власть благодаря насилию, военно-полицейскому террору и духовному порабощению населения; то же, что фашистский режим;

тоталитарное государство - форма государства, характеризующаяся полным (тотальным) контролем со стороны органов государственной власти над всеми сфе-

рами жизни общества, фактической ликвидацией конституционных свобод и прав”³.

Характер общественных исторических процессов конца 1980-х - начала 1990-х годов. Официальные оценки этих процессов даются регулярно, но, во-первых, несколько меняются со временем, а, во-вторых, далеки от научной полноты и точности, носят характер “брендов” (символических образных обозначений), подчас грешат метафоричностью⁴.

Вот как обрисовал этапы развития России в последние полтора десятилетия Президент РФ В.В.Путин в своём Послании Федеральному Собранию РФ 26 мая 2004.

“С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы. Он сопровождался ломкой привычного уклада жизни, острыми политическими, социальными конфликтами и был тяжело пережит нашим обществом.

Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”. При этом нам удалось остановить наиболее опасные тенденции в экономике и политической сфере. Не все решения, которые приходилось в те годы принимать, имели долгосрочный характер. А действия федеральных властей являлись скорее ответами на серьезные для нас угрозы.

Фактически мы только недавно подошли к третьему этапу в развитии современного российского государства, к возможности развития высокими темпами, к возможности решения масштабных, общенациональных задач. И сейчас мы имеем и достаточный опыт, и необходимые инструменты, чтобы ставить перед собой действительно долгосрочные цели.

...Отмечу лишь, что за четыре последних года мы перешагнули непростой, но очень важный рубеж. И впервые за долгий период Россия стала политически и экономиче-

³ *Словарь иностранных слов.* - М.: “Русский язык”. 1982.

⁴ *Метафора - оборот речи, построенный на скрытых уподоблениях и на переносных значениях слов.*

ски стабильной страной, страной независимой - и в финансовом отношении, и в международных делах, что само по себе неплохо.

...Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала. За четыре последних года мы смогли компенсировать около 40 процентов падения. Но, несмотря на это, нам пока не удалось “догнать самих себя” образца 89-го года. И только сохранение высоких темпов развития - таких, на которые сейчас вышла Россия, - не позволит отбросить нас на “задворки” мировой экономики”.

В официальных документах часто встречаются оценки, проистекающие из сугубо либерального видения природы случившихся событий и процессов. Отличительный признак таких оценок - объяснение событий и процессов **экономическими** причинами. Однако имеются и оценки, исходящие из более широкого и глубокого видения причин и следствий. К примеру, В Послании Президента РФ Б.Н.Ельцина Федеральному Собранию РФ 16 февраля 1995 г. сказано следующее:

“Несколько лет назад Россия сделала выбор в пользу демократии и рыночных реформ. Путь, который занял у других стран столетия, мы стараемся пройти за достаточно короткий срок.

История поставила нас в сложную ситуацию. С одной стороны, извечная любовь россиян к Отечеству; с другой - неприятие гнёта бездушной государственной машины, которая столетиями подавляла живую жизнь народа. Преодоление тоталитарного гнёта не ослабило отчуждение общества от власти. Наоборот...”

“... Россия не начала жизнь “с чистого листа”. С нами - весь груз прошлого.

Россия переходит из одной исторической эпохи в другую со скоростью, соизмеримой с жизнью одного поколения. Высокие темпы преобразований нередко приводят к издержкам”⁵.

⁵ “Российская газета” 17 февраля 1995.

В официальных документах не встречаются такие оценки событий и процессов, как “революция”, “революционные реформы” и им подобные.

Научные оценки носят более строгий и определённый характер. Наиболее серьёзным и обоснованным считаем следующее научное видение важнейших исторических событий, процессов и общественных состояний в нашей стране в 1970-1990-е и в 2000-е годы.

Тоталитарное общество в СССР десятилетиями находилось в системном кризисе, будучи деформацией (исторически неустойчивым состоянием). В связи с поражением в мировой гонке вооружений в 1970-1980-е годы кризис этот обострился до состояния революционной ситуации. Основные проблемы, требовавшие революционного решения, были такие: 1) монополия КПСС на власть, тоталитарный характер власти; 2) имперский характер взаимоотношений власти с народами, входящим с СССР и в так называемую мировую социалистическую систему (по выражению властей КНР, “социал-империализм”).

Внутренние политические силы в СССР были подавлены репрессивным режимом. К моменту обострения системного кризиса они лишь начали оформляться и консолидироваться. Поэтому большую роль в развитии революционной ситуации в революцию сыграли внешние силы, представлявшие по преимуществу интересы международного капитала. Логика событий выстроилась по типу “цветных революций”. Тем не менее в нашей стране *произошла смена типа политической власти*, страны “мировой социалистической системы” обрели независимость, имперский СССР прекратил своё существование как геополитическая реальность. Это и есть антитоталитарная и антиимперская революция. Её называют четвёртой русской революцией. Она совершилась в 1989-1991 годах.

Вслед за этим новая власть провела комплекс коренных преобразований во всех сферах общественной жизни. Их называют революционными реформами, а интеллектуалы либеральной ориентации - структурными реформами (это когда обсуждают проблемы серьёзно; когда же “раз-

вешивают лапшу” - называют рыночными реформами). Революционные реформы охватили отношения собственности (власти в хозяйстве), государственное строительство, экономические взаимоотношения, социально-трудовые отношения и все иные важнейшие сферы жизни общества.

Период революционных реформ называется в общественных науках переходным периодом. В этот период совершается необратимый переход от прежнего (дореволюционного) состояния общества к новому качественному состоянию общества. Если новое качественное состояние общества исторически устойчиво и жизнеспособно, возникает новая общественно-экономическая формация. В этом случае историки констатируют, что революция сделала своё историческое дело и не потерпела поражения. Если же жизнеспособное и исторически устойчивое состояние общества не возникло, революционные завоевания постепенно утрачиваются. В той или иной мере восстанавливается старое (дореволюционное) состояние общества в несколько модернизированном виде, но, по существу, чреватое прежними внутренними противоречиями.

Вопрос о том, обрела ли современная Россия качественно новое (в сравнении с СССР) жизнеспособное общественное состояние, остаётся пока что дискуссионным. Вместе с тем очевидно, что некоторые существенные недемократические порядки общественно-политической, экономической и социальной жизни в последние годы восстанавливаются (особенно наличие партии власти и её монополия на власть).

2. Тенденции изменения социального положения населения России и реальная социальная политика государства, начиная с 1990-х годов

Очерченный выше общественно-исторический контекст позволяет дать обоснованный анализ логики формирования социальной политики российской власти, вычленив различные этапы этого формирования. Надо, правда, с самого начала предупредить, что социальную политику

мы понимаем не поверхностно, не как набор государственных и муниципальных мер и обещаний, затрагивающих социальное положение населения. О социальной политике мы будем говорить как о субъектных взаимоотношениях и взаимодействиях элементов социальной структуры общества (классов, социальных групп, общностей, каст) по поводу сохранения и изменения их социального (социально-экономического) положения. Властные органы (государственные и местные) – один из типов действующих в обществе субъектов социальной политики, вторичный (производный) ряд субъектов, а именно субъекты-представители тех элементов социальной структуры, которые являются носителями классовых, общностных, кастовых, социально-групповых интересов. Даже если государство (власть) обюрократилось и коррумпировалось (стало продажным) в очень и очень высокой степени, то и в таких ситуациях оно отстаивает не исключительно свои собственные интересы (интересы бюрократии), а всё же по преимуществу интересы господствующих в обществе (прежде всего господствующих в экономике) классов.

В периоды эволюционного развития одна из главных функций государственной власти – обеспечивать сохранение (воспроизводимость) качественной специфики общественного строя. **В переходные эпохи** главная функция государства - обеспечивать проведение радикальных (качественных, коренных) общественных преобразований. Таких преобразований, которые, как принято говорить, создают социальную базу (социальную опору) новой власти. Создать опору новой власти в обществе - значит провести глубокие перемены, соответствующие интересам социальной группы, победившей в политической революции, упрочивающие её положение в обществе, гарантирующие доминирование её интересов в последующем развитии.

При этом важно соблюсти политическую меру. Радикальные преобразования не должны нарушать целостности общества, то есть его воспроизводимости как единого социального организма. Государственная социальная по-

литика не нарушает целостности общества, если она не игнорирует разнообразие и противоречивость социально-групповых интересов, если в ходе преобразований происходит их взаимоувязка.

В переходные эпохи каждая из противоборствующих социальных сил отстаивает свой путь выхода из общественного кризиса или, по меньшей мере, стремится к максимальному учету своих конкретно-исторических интересов. При этом реальная степень учета в государственной (и местной) социальной политике интересов подчинённых социальных групп зависит не столько от доброй воли победителей, сколько от уровня организованности и активности подчинённых групп, от реального соотношения социальных сил, от их фактического противоборства на общественной арене.

Противоречивость интересов социальных групп – причина, по которой одни и те же действия властей, одни и те же перемены в социальном положении населения воспринимаются и оцениваются в обществе по-разному.

В *официальных государственных* оценках, как правило, выражена позиция тех слоев общества, в интересах которых проводятся общественные преобразования, в том числе преобразования в социальной сфере.

Множественность аналитических оценок в *научном сообществе* отражает объективный факт социальной структурности общества, разнотипности (противоречивости) социально-экономических интересов, разнонаправленности требований к социальной политике, проистекающей из различий интересов.

Факторы, формирующие отношение *населения* к переменам в социальном положении, - не только сравнение нового фактического положения с прошлым, но и (особенно в кризисные и переходные периоды) сравнение фактического положения с желаемым, с ожидаемыми благоприятными изменениями в социальном положении. Президент РФ В.В.Путин в своём Послании Федеральному Собранию РФ 10 мая 2006 г. оттенил эту особенность переходного состояния общества:

“...Планируя дальнейшее развитие нашей государственной и политической системы, мы, конечно, должны учитывать современное состояние нашего общества. И в этой связи отмечу одну из существенных черт нашей внутривластной жизни, а именно: низкий уровень доверия граждан к отдельным институтам государственной власти и к крупному бизнесу. И понятно почему.

С переменами начала 90-х были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд. Более того, некоторые представители этих сообществ, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счёт большинства граждан”.

В первоначальный (“шоковый”) период российских реформ главным в изменении социального положения трудящегося большинства населения было **многократно (в 6-8 раз) понижение уровня жизни**, разрушение прежней системы социальных гарантий без её замещения системой, защищающей от новых социальных рисков. Сравнение трудящимися своих ожиданий от реформ с реальными переменами и даже с тем, что было обещано правительством накануне реформистского прорыва (в октябре 1991 г.), было по большей части не в пользу реальных перемен. По этой причине возникла тенденция к идеализации положения трудящихся в советские времена. Большинство не принимало государственную стратегию, в соответствии с которой сначала и надолго разрушалось все старое, чтобы затем на его развалах строить новое.

К середине 1990-х годов курс на капитализм в России закрепился, прошел “точку невозврата”. Вариантность будущего сузилась до разных моделей капитализма – зависимого (периферийного) или самостоятельного; жесткого (либеральная модель) или осторожного (модель социального государства). Существенным фактором в формировании отношения населения к государственной социальной политике стало сравнение реальной политики с конституционно закреплённым (в 1993 г.) определением Рос-

сии как демократического федеративного правового государства (ст.1 Конституции) и как социального государства (ст.7 Конституции).

К настоящему времени всё более вероятным становится возвращение российского общества вновь в ситуацию переходности, актуальной социальной разновариантности будущего. Предыдущие преобразования сделали население России донором первоначального накопления капитала, а страну в целом – донором (жертвой) глобализации. Специфические черты современной социальной ситуации в России – затянувшаяся зачаточность гражданского общества, социальная деградация (деклассирование, если говорить в старых терминах) значительной части населения, широкомасштабная криминализация (теневой характер) общественных отношений.

В такой социальной ситуации стремление высшей государственной власти вернуть России политическую и экономическую независимость, сделать страну сравнимой по уровню экономического развития с ведущими капиталистическими странами может быть реализовано противоположными способами.

Один из реально возможных способов, реально возможный путь развития - лишение всех социальных групп (в том числе и капиталистического класса) и всех социальных общностей реальной социальной субъектности, “наведение порядка” в стране на основе закрепления тенденций к государственно-партийной монополии на власть, к формальности федеративного государственного устройства, к декоративности гражданского общества.

Другой реально возможный путь - социальные преобразования в русле всё ещё нереализованных исторических задач социальной революции 1989-1991 гг. (переход от тоталитарного социального государства к демократическому социальному государству с достойным уровнем жизни граждан; отказ от имперских внутригосударственных отношений).

3. Направленность общественного развития и характеристика основных социально-структурных реформ в 1990-х годах

Цель радикальных общественных преобразований в России после отстранения КПСС от власти и распада СССР *программно* обозначалась новой властью и в 1991 г., и в 1993 г. как переход к капитализму такого же типа, как в развитых западно-европейских странах - демократическое правовое социальное государство, социальная рыночная экономика⁶.

Первоприоритетной задачей и стержнем государственной социальной политики вплоть до середины 1990-х годов было формирование новой социальной структуры общества, соответствующей капитализму. Другими словами, реформы новой власти, начатые в 1992 г., были *революционными социально-структурными реформами*.

Существенно важно, что социально-структурные реформы проводились при поддержке (и по рецептам) организаций, представляющих интересы крупного международного капитала на современном этапе глобализации капитализма. Эта поддержка оказывалась на условиях немедленного открытия российской экономики для иностранной конкуренции.

На первой (шоковой) стадии революционных социально-структурных реформ (1992 г.) решалась задача быстрой концентрации национального богатства в руках немногих частных лиц при одновременном создании многочисленного слоя населения, лишённого средств производства (нового нищего класса). Научное определение этой социальной политики - *форсированное первоначальное накопление капитала*.

Источниками создания крупных частных состояний стали государственная собственность и средства населе-

⁶ См., например: Ельцин Б.Н. Выступление на Пятом (внеочередном) Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г. – Советская Россия, 29 октября 1991 г.; Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М.: Юрид. лит., 1993.

ния (значительная часть его реальных доходов). Размеры государственной собственности резко сократились. Резко сократились и реальные доходы населения. Потребовалась целая система способов (форм, методов, приёмов) изъятия средств у государства и у народа и передачи их в частные руки немногочисленных новых богатых. Основными в системе этих способов были:

- гиперинфляция, организованная самим правительством;
- меры против роста номинальной зарплаты и прямое урезание зарплаты (в том числе при помощи длительных задержек её выплат) и других доходов населения;
- приватизация исключительно в интересах обогащения нового класса богатых;
- резкое ослабление защитительных функций государства.

Нацеленность реформ на первоначальное накопление капитала, их форсированный (шоковый) и глобализационный характер существенно отклонили траекторию общественного развития от объявленной линии на переход к буржуазно-демократическому социальному государству. Неконкурентоспособность на мировом рынке большинства российских предприятий открывала России путь к вступлению в мировое сообщество, в мировой рынок не в качестве независимой страны, серьёзного конкурента развитым капиталистическим странам, а лишь в качестве страны периферийно-колонизуемого типа.

Государственное управление социально-экономическими процессами на шоковой стадии реформ было весьма жёстким. Фактор, формировавший его жёсткость, - установка на быструю ликвидацию (разрушение) экономических основ прежнего общественного строя. Это, как представлялось правящим реформаторам, должно было расчистить путь к созданию прочной социальной опоры новой власти – капиталистического класса, заинтересованного в защите новых социально-экономических и политических порядков. Отсюда проистекала такая государственная социальная политика, которая допускала и даже

признавала неизбежной так называемую *высокую социальную цену* реформ, а именно:

- принесение достигнутого социального положения (привычного уровня жизни) большинства населения в жертву целям реформ,
- разорение значительного числа предприятий,
- фактический мораторий на правопорядок (при соблюдении законности нельзя было в предельно сжатые сроки обеспечить концентрацию общественных ресурсов в руках узкого меньшинства).

Результаты государственной социальной политики имели мало общего с объявленными накануне реформ такими их задачами, как создание десятков миллионов собственников, развитие разнообразных форм собственности и хозяйствования, возникновение многочисленного среднего класса, формирование социал-партнёрских отношений наёмных работников с новыми (якобы “настоящими”) хозяевами.

На второй стадии реформ (до середины 1990-х годов) социальная политика государства была направлена (одновременно с линией на продолжение первоначального накопления капитала) на *закрепление социальных итогов шоковой стадии, на обеспечение необратимости характера новой социальной структуры*, в том числе необратимости доминирования в хозяйстве частнокапиталистического сектора.

В то же время представители прежней номенклатуры, директорский корпус, особенно связанный с обрабатывающей промышленностью, военно-промышленным и агропромышленным комплексами, стали настаивать на прекращении шоковых методов, подчеркивая их разрушительный характер для страны и приравнивая эти методы к экономическому геноциду населения. Подчеркивалась также нарастающая зависимость страны от политики стран-лидеров капиталистического мира.

К концу второй стадии реформ в государственной стратегии общественных преобразований наметились некоторые сдвиги в сторону конвергенции (сближения, схож-

дения) с идеологией обеспечения национальной безопасности России. Стали признаваться необходимость смягчения социальных результатов шоковых реформ, актуальность мер по социальной защите населения и защите интересов отечественного капитала, необходимость борьбы с криминализацией экономики и общества. Однако к середине 1990-х годов реальные предпосылки хозяйственного подъёма и социального благополучия созданы не были, поскольку задача создания жизнеспособных новых форм социально-экономической жизни была отодвинута и в период “шока”, и в 1993-1995 годах на второй план. Сформировалась, напротив, нежизнеспособная модель хозяйствования, возникла неустойчивость, застойная кризисность хозяйства и общества.

О начале нового, **третьего этапа реформ** было официально объявлено в феврале 1996 г. Действительно, к середине 1990-х годов реформы, начатые с января 1992 года, были в основном завершены. Основная цель революционных социально-структурных преобразований была выполнена – обозначились контуры новых классов.

Третья стадия реформ должна была и (при прочих равных условиях) *могла стать периодом налаживания механизмов устойчивого, регулярного воспроизведения новой общественно-экономической системы.*

Необходимость налаживания нормального функционирования экономики, перемен в социальной политике фиксировалась в официальных высказываниях. В февральском (1996 г.) Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ говорилось: “Начинается третий и последний этап становления рыночной экономики – стимулирование производства и инвестиций, повышение эффективности, масштабная структурная перестройка российской экономики”. Председатель Правительства России В.С.Черномырдин на расширенном заседании правительства 6 марта 1997 года сформулировал задачи нового этапа реформ следующим образом: “Наша цель – структурные преобразования, инвестиционный подъём, обще-

экономический рост как основа решения социальных проблем и повышения уровня и качества жизни россиян”.

В реальности на третьей стадии реформ не удалось побудить народившийся российский капитал нормально работать, исправно платить налоги, инвестировать, повышать работникам зарплату. Не удалось даже прекратить массовую практику задержек и невыплат начисленной заработной платы.

Новый богатый класс освоил в предыдущие годы (при содействии государства или же благодаря его бездействию) разнообразные методы обогащения. Капитал был накоплен, как правило, без созидательной работы, путём раздела (расхвата) государственной собственности в ходе приватизации предприятий, при помощи финансовых мошенничеств и спекуляций, растаскивания иностранных займов и средств государственного бюджета. Остался, однако, неиспользованным целый ряд источников обогащения – дальнейшая приватизация государственных предприятий (в том числе отраслей социального хозяйства, транспорта), коммерциализация здравоохранения, просвещения, раздел земли, спекуляции жильём и пр. Аппетиты продолжателей реформ прежними методами (то есть путём грабежа, а не созидательной работы) распространились на природные богатства, недра и любые другие части национального богатства и достояния. Такого рода перспективы были мощным фактором, противодействующим переходу российского капитала к выполнению общественно необходимой функции организатора эффективного хозяйствования.

Под воздействием указанных выше обстоятельств (а также в силу необходимости действовать в соответствии с настойчивыми рекомендациями и прямыми требованиями Международного валютного фонда, Всемирного банка реконструкции и развития и других проводников геополитики “Большой семерки”) характер государственной социальной политики во второй половине 1990-х годов не переменился. Эта политика продолжала прежний курс в том смысле, что *содействовала дальнейшему обогащению меньшин-*

ства за счёт понижения уровня жизни большинства населения, по меньшей мере, за счёт сдерживания темпов его восстановительного роста. Этому курсу в полной мере соответствовали механизмы конфискации средств населения – невыплаты и задержки выплат заработной платы, пенсий, пособий; внецелевое использование части внебюджетных фондов обязательного государственного страхования, наконец, некомпенсированная девальвация рубля (“дефолт”), организованная правительством в августе 1998 года.

Социальная политика государства на третьем этапе реформ существенно продвинула организацию социальных отношений в России по модели периферийно-колониального капитализма. Суть этой модели: нищенский уровень оплаты труда при отсутствии такой системы социальных (и, прежде всего, государственных) гарантий, которые надёжно защищают человека от запредельных (разрушительных) социальных рисков - рисков застойной безработицы, бедности и нищеты, бездомности, неграмотности, потери здоровья, риска опускания в трудоспособном возрасте или в старости на “социальное дно” и пр.

Движение в сторону сворачивания системы государственных социальных гарантий принято называть “либерализацией”. Это было бы верно применительно к России, если бы одновременно повышалась оплата труда в той мере, какая необходима для компенсации утраты социальных гарантий. Ничего подобного у нас не было и нет. И не предвидится. Наша периферийно-колониальная модель социальных отношений принципиально отлична от либеральной модели в развитых странах, в которой уровень оплаты труда достаточен для опоры человека на собственные силы (а не на государство и общество) в деле защиты от социальных рисков.

“В 1990-е годы российское государство не проводило ни сильной, ни вообще какой-либо социальной политики” – такое мнение до сих пор широко распространено. Его придерживаются люди, подразумевающие под государственным

ной социальной политикой *мероприятия государства, направленные на улучшение условий жизнедеятельности населения*, на рост благосостояния граждан.

Иное понимание сути социальной политики (*как взаимоотношений и взаимодействий социальных групп в сфере формирования их положения в обществе*) позволяет и заставляет сделать другой вывод. Вывод о том, что государство и в период шоковых реформ, и в последующие годы осуществляло *исключительно сильную социальную политику*. Государство действовало весьма энергично, но оно избирательно прикладывало свою энергию. Главной линией социальной политики было первоначальное накопление капитала и закрепление новой социальной структуры. И благоприятные, и неблагоприятные перемены в социальном положении тех или иных слоев населения либо прямо соответствовали этой социально-политической линии, либо были побочными следствиями жёсткого её проведения – следствиями, воспринимаемыми властями как несущественные (или вынужденные, но вполне допустимые) по отношению к фактическим (а не декларированным) социальным целям реформ.

Более того. И в период шоковых реформ, и в последующие годы государство выступало *практически единственным реальным субъектом социальной политики*, направленной сначала на формирование крупного капитала, а затем на упрочение его положения в обществе. Политические и иные общественные организации, выступающие от имени других слоёв населения (в том числе профсоюзы), за редкими исключениями (таким исключением было на первых порах шахтёрское движение) на деле не опирались на сколько-нибудь широкую собственную социальную базу. Поэтому они не имели реального веса в социальной политике, не способны были отстаивать интересы наёмных трудящихся, самозанятых, мелких и даже средних предпринимателей, не смогли добиться смягчения государственной социальной политики по отношению к этим слоям.

Соотношение социальных сил в 1990-е годы определило преобладание деструктивных экономических и социальных (в том числе социально-трудовых) процессов над процессами созидательными. Субъекты, осуществляющие разрушительные действия, от которых капиталистический класс обычно защищается с помощью государства и законов, оказались в России у власти. Функции находящегося в их руках государства, роль государства были *существенно деформированы*. Государство не стало упорядочивать “пространство эксплуатации” как поприще для цивилизованной деятельности капитала и наёмного труда, не стало защищать от прямого разграбления (с огромным вывозом за рубеж) национального богатства, от недобросовестной конкуренции, от последствий развития крупномасштабной теневой экономики и постоянных переделов собственности. Более того, государство было приспособлено для задачи совмещения форсированного накопления капитала с задачами глобализационного закабаления России. Всё это определило социально-деградирующий итог переплетения разрушительных и прогрессивных созидательных преобразований в первом десятилетии существования новой России.

Социальная структура прежнего казарменно-кастового общества заместилась структурой, отражающей преимущественно процессы разрушения и социальной деградации. Было практически заблокировано становление реально производящего эффективного капиталистического предпринимательства (так называемых эффективных собственников). Не возник и сколько-нибудь значительный по масштабам производящий “средний класс”. Реформы перевели трудящихся в режим выживания. Тем самым было заблокировано и формирование рабочих (и других наёмных эксплуатируемых трудящихся) как класса и, соответственно, заблокировано развитие организованных движений трудящихся как самостоятельных и влиятельных субъектов социальной политики.

Социально-деградирующий итог реформ воплотился к концу 1990-х годов в особенностях социальной структуры российского общества. Эти особенности:

- образование значительных по численности социальных групп теневых дельцов и коррупционеров;
- люмпенизация значительной части населения, появление многомиллионного слоя социально отторгнутых людей (“социальное дно” в конце 1990-х годов оценивалось специалистами в 20-30 млн. граждан);
- распространение “профессий”, не связанных с созидательной жизнью общества (рэкетеры, проститутки и сутенёры, охранники и киллеры, нищие и пр.);
- высокий уровень скрытой и застойной безработицы, особенно в депрессивных регионах.

Рассмотрим теперь, как общая линия (логика) государственной социальной политики в 1990-х годах проявлялась в ходе реформирования основных сегментов (сфер) общественных отношений.

3.1. Реформа собственности

Поначалу ориентация на переход к капитализму выражалась идеологами российских реформ несколько туманно: “переход к демократии”, “переход к рынку”. Но речь шла о буржуазной демократии и капиталистическом рынке. Необходимой предпосылкой формирования рынка и условием перехода к политической демократии с самого начала была объявлена *не реформа собственности как таковая, а крупномасштабная приватизация государственной собственности*. Она занимала центральное место в государственной социально-экономической стратегии. Курс на приватизацию в 1992-1993 гг. продолжал более радикальными методами начатое еще в советское время правительствами Рыжкова и Павлова.

Первые приступы к изменению отношений собственности в СССР состоялись в период перестройки и касались они не перераспределения имущества, а перераспределения властных правомочий в хозяйстве. В июне 1987 г. был принят Закон СССР “О государственном пред-

приятии (объединении)”. Никогда до того реформаторские попытки не шли столь далеко. Была узаконена такая форма хозяйствования, как полное хозяйственное ведение трудового коллектива. Трудовой коллектив мог становиться субъектом ведения государственной собственности, подбирать и назначать работодателя, иметь Совет трудового коллектива как орган хозяйственной власти на предприятии, образовывать относительно автономный хозяйственный доход коллектива.

Закон открывал путь не только к демократизации хозяйственных отношений, к возникновению полноценного рынка на базе государственной собственности, но и к вовлечению “простого” трудового народа в процессы перестройки. Okрепли идеи аренды, подряда, бесплатной аренды государственной собственности. Пробивалась мысль, что рынок возникает не обязательно как хозяйствование частных собственников, но обязательно как хозяйствование предприятий (всё равно какой формы собственности) с полной ответственностью за результаты хозяйствования и с равными обязанностями самостоятельно, своими силами справляться с хозяйственными рисками.

Но как советской номенклатуре, чьё привилегированное положение покачнулось, так и проводникам политики МВФ и Всемирного банка (ВБРР) в отношении России нужна была не эффективная собственность, а именно **частная капиталистическая** собственность. Номенклатуре частная капиталистическая собственность сулила конвертацию иерархии властных должностей в иерархию частных состояний (капиталов). Для российских проводников политики международного капитала частная собственность была высшей ценностью, критерием соответствия их деятельности поставленным задачам.

В итоге всего через полтора года правительство Рыжкова-Абалкина решительно отказалось от направления действий, очерченного Законом СССР “О государственном предприятии (объединении)”. Вскоре после Всесоюзной забастовки шахтёров, выдвинувшей требование отмены 6

статьи Конституции СССР, вскоре после демонстраций А.Д.Сахарова с лозунгом “Вся власть - Советам!” (то есть выбранным, не назначенным), а именно уже 4 января 1990 г. Правительство СССР принимает антиконституционное решение о разгосударствлении и приватизации государственной собственности. А сразу же после начала шоковых рыночных реформ один из ведущих правительственных реформаторов новой России Е.Гайдар публично обругал Закон СССР “О государственном предприятии (объединении)” 1987 г. как самый вредный и самый опасный из всех советских законов.

Годы перестройки были наполнены экспериментами с кооперативами, семейными подрядами, индивидуальными лицензиями, совместными предприятиями и пр. 1989 год стал переломным. Обозначилась необходимость кардинальной реформы собственности. И связано это было напрямую с угрозами для прежней системы политической власти.

Номенклатурная приватизация. Съезд народных депутатов СССР (1989 г.) обнародовал (сделал общественно обозначенными) два коренных противоречия тоталитарной системы: монополию КПСС на власть в обществе и в хозяйстве; имперский характер Союза ССР. Антагонизмы обнажились и стали делить общественную активность и направлять друг против друга власти и сторонников демократизации. Возникли массовые забастовки и даже Всесоюзная забастовка шахтёров, выдвинувшая среди прочих требование отмены статьи 6 Конституции СССР, то есть требование отмены монополии КПСС на власть в обществе и в хозяйстве.

Именно под воздействием этих факторов правящая КПСС отбросила (как более ненужную) демагогию о социализме, общественной собственности, социалистической демократии. Вопреки Конституции СССР правительство Рыжкова-Абалкина (с одобрения М.С. Горбачева и высшего политического руководства КПСС) провозгласило в начале января 1990 г. лозунг-курс “*Разгосударствление и приватизация государственной собственности!*”.

Попытки номенклатуры сохранить свою власть в хозяйстве, используя для этого находящуюся в её руках государственную власть, получили название *номенклатурной приватизации*. Задача такой приватизации состояла в распределении совместной корпоративной (то есть совместной частной) собственности номенклатурной касты между её членами. В 1990-1991 гг. этот процесс осуществлялся практически. Право собственности как бы делегировалось узкому кругу должностных лиц, происходила коммерциализация деятельности госпредприятий, но так, что результат оказывался примерно таким же, как при приватизации - децентрализация и разгосударствление хозяйственной власти.

Цели приватизации. Лидеры КПСС и сторонники Б.Н. Ельцина сходились в определении магистрального направления реформы собственности. Поиск эффективного собственника не ставился как задача практической политики. Если бы вопрос ставился так, то актуальным был бы свободный выбор и переВыбор формы собственности и формы организации производства. Вместо такого демократического подхода к реформе собственности была использована принудительная приватизация, исходящая из *наперед заданной установки*: эффективным собственником может быть только частный собственник.

Реальные участники, механизмы и социальные итоги приватизации. Оппозиция власти КПСС ("демократы") выступила не против приватизации, а против такого её сценария, который оставлял собственниками старую номенклатуру. Придя к власти, "демократы" не остановили номенклатурную приватизацию, а включились в неё, используя для этой цели свою только что завоеванную власть, то есть став "новой номенклатурой".

Реальными участниками приватизации стали старая и новая номенклатура, а также теневой капитал. В годы ельцинских реформ теневой капитал легализовался и преуспел. Он обогатил старую "коммунистическую" и новую "демократическую" номенклатуры криминальными способами обогащения. В итоге процесс приватизации в

новой России приобрел по преимуществу криминальный характер.

На первом (чековом) этапе приватизации (конец 1992-1994 гг.) каждый гражданин России стал, даже если он этого не хотел, владельцем ваучера (приватизационного чека) номиналом в 10 тыс. рублей – примерно 10 долларов США по среднему обменному курсу в период 1993-1994 гг. Правительство намеренно создавало комплекс условий, побуждающих население продавать ваучеры или вкладывать их “вслепую” в безответственные приватизационные фонды.

Государство самоустранилось от защиты интересов населения при ваучерной приватизации, которая породила волну мошенничества и организованной преступности.

Акционирование государственных предприятий с выделением части акций в негосударственную собственность (вторая составная часть приватизации) сделало из предприятий товар, право собственности на который можно было продавать и покупать частично. Государственными решениями были заблокированы попытки трудовых коллективов (включая администрацию) стать собственниками своих предприятий при помощи образования акционерных обществ закрытого типа. В целях максимального облегчения продажи и скупки акций было также запрещено сохранять единым пакетом акции, выданные работникам бесплатно или проданные им на льготных условиях.

Администрация, а зачастую и государство утрачивали контроль за формированием контрольных пакетов акций. В итоге в ряде отраслей контрольные пакеты были целенаправленно скуплены иностранными компаниями (через подставные фирмы) по не просто заниженным ценам, а фактически за бесценок.

Установленный государством порядок проведения аукционов (третья составная часть процесса приватизации) также был ориентирован на формирование частной собственности, устраняя из числа покупателей тех, у кого значительная часть средств в уставном капитале (более 25%) принадлежала государству.

На втором (денежном) этапе приватизации из её участников было окончательно исключено трудовое население. Это было логичным следствием лишения трудящихся в ходе шоковых реформ нормальных источников средств существования из-за дезорганизации и разрушения производства. К тому же механизмы “шока” (так называемая либерализация цен со 2 января 1992 г. и последующая гиперинфляция) фактически конфисковали сбережения населения и обесценивали его текущие доходы.

Во второй половине 1990-х годов дальнейшее сокращение присутствия государства в хозяйстве в качестве собственника, расширение объектов приватизации всё больше стали дополняться переделами первоначальных итогов раздела государственного имущества. При этом были освоены и начали преобладать силовые (а не рыночные) методы передела собственности.

Таким образом, реформа собственности в России свелась к уничтожению государственной собственности и к лишению трудового населения перспектив на власть в хозяйстве (собственность). В жертву этой задаче были принесены и возможные доходы государства от самой приватизации, и перспектива эффективного функционирования производства после реформы собственности.

3.2. Реформа социально-трудовых отношений

Реформы 1990-х годов изменили характер социально-трудовых отношений в России. Иначе и быть не могло, поскольку реформы были направлены в первую очередь на создание новой (капиталистической) социальной структуры, следовательно, и на смену типа взаимоотношений господствующих и подчиненных классов в воспроизводственном процессе.

Реформу социально-трудовых отношений в России, как ни странно, никто не объявлял. Были объявлены реформы и программы, нацеленные на преобразование практически всех сфер жизнедеятельности общества: приватизация, переход к рынку, несколько пенсионных реформ, земельная, налоговые, административная ре-

формы, реформы образования, здравоохранения и др. Реформу социально-трудовых отношений никто не объявлял, но в 1990-годах она фактически произошла. Однако прошла тихо, без особых социальных конфликтов, без резких столкновений, без серьезных и громких общественных дискуссий.

Реформа социально-трудовых отношений фактически началась еще до августовского (1991 г.) политического переворота. Курс советского руководства на разгосударствление и приватизацию (пусть и номенклатурную), на становление капиталистического механизма хозяйствования (под лозунгом “перехода к рынку”) потребовал существенных перемен в правовом регулировании социально-трудовых отношений. Нововведения соответствовали задаче формирования **правовой базы отношений наёмного труда и капитала взамен правовой базы казарменной организации труда в СССР**, где положение трудящихся было весьма подобно положению солдат трудовой армии.

В “Основы законодательства Союза ССР и республик о занятости населения”, принятые 15 января 1991 года, а затем и в Закон РСФСР “О занятости населения в РСФСР” от 19 апреля 1991 г. была включена норма о *запрете принуждения к труду*. Этими же законодательными актами признавалась (легализовалась) *безработица*, было запрещено (отменено) привлечение к уголовной и иной ответственности незанятых граждан. Взамен конституционного положения о праве на труд как праве на получение гарантированной работы государство в законодательной форме объявило о переходе к политике *содействия* полной, продуктивной и свободно избранной занятости (см. упомянутые выше “Основы ...”, ст.1 и Закон РСФСР “О занятости ...”, ст. 5). Еще раньше Закон СССР “О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)” от 9 октября 1989 г. признал право трудовых коллективов и профсоюзов на *забастовку* (стачку) как на крайнюю меру разрешения коллективного трудового спора (конфликта).

После распада СССР линия российского государства на создание правовой базы капиталистических трудовых отношений продолжилась и была закреплена конституционно сначала в изменениях и дополнениях действовавшей Конституции РСФСР, а затем и в новой Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.

Ориентация реформы социально-трудовых отношений на демонтаж их тоталитарной системы, на демократизацию трудового права была, безусловно, прогрессивной. Были, однако, кроме этого фактора (и этой линии) перемен в законодательном регулировании социально-трудовых отношений, еще два фактора и две линии перемен.

Второй фактор - ***включение России в мировую капиталистическую систему в условиях глобализации капитализма.***

Включение России во всемирное пространство капиталистической конкуренции совпало по времени с общей тенденцией либерализации трудовых отношений – тенденцией расширения свободы предпринимателей. Потребовались такие перемены в российском трудовом законодательстве, которые выравнивают условия конкуренции, обеспечивают для иностранного капитала в России условия не хуже, чем в других странах.

Это привело к *порче* норм социально-трудового права, если оценивать вторую линию перемен с точки зрения трудящихся. Порча норм шла по следующим направлениям:

- сужение прав профсоюзов;
- сужение (практическая отмена) гарантированных законом прав трудовых коллективов на участие в управлении предприятиями,
- расширение прав работодателей в области увольнений работников, в области заключения срочных контрактов и пр.

Линия на либерализацию (в интересах работодателей) норм трудового права в начале 2000-х годов оформ-

лена в систематическом виде в новом Трудовом кодексе РФ.

В советском законодательстве – по причине маскирования тоталитарного строя социалистической и псевдосоциалистической фразеологией – содержался (еще с 1920-х годов) целый ряд норм, которые давал весьма широкие права профсоюзам. В конце советского периода законы СССР и РСФСР оформили также довольно широкие права трудовых коллективов и советов трудовых коллективов (СТК). На практике все эти нормы “не напрягали” хозяйствующую номенклатуру, так как профсоюзы, начиная со сталинской эпохи, превратились в корпоративистские (неклассовые) институты, в “приводной ремень” от тоталитарной партии власти к массам. Упомянутые нормы были составной частью социально-политических декораций тоталитарного режима.

Старый КЗоТ вообще-то особенно не мешал российским предпринимателям. В условиях моратория на правопорядок, фактического бездействия судебной власти, в условиях неорганизованности трудящихся, соглашательской позиции ФНПР (самого массового объединения профсоюзов) КЗоТ нарушался в массовых масштабах, без каких-либо существенных следствий для работодателей. Поэтому они и не требовали никаких существенных изменений в трудовом законодательстве. К теневому сектору экономики (охватывавшему в 1990-е годы не менее половины всего массива труда в стране) КЗоТ вообще не имел никакого отношения. К тому же, к концу 1990-х годов в КЗоТ уже был внесён целый ряд изменений, благоприятных для работодателей.

Главные новшества, которые внёс новый Трудовой кодекс в трудовое законодательство, соответствовали требованиям международных финансовых структур, режиссировавших российские реформы. Эти требования входили в число условий получения Россией очередной порции иностранных кредитов. Правительство России послушно, а порой и с энтузиазмом выполняло требования этих структур. В “Меморандуме Правительства Российской

Федерации и Центрального банка Российской Федерации о политике экономической и финансовой стабилизации” (от 16 июля 1998 г.) были зафиксированы обязательства по реформе рынка труда в контексте обращения России за финансовой поддержкой со стороны Международного валютного фонда:

“Ограничения в области расторжения трудовых соглашений препятствовали эффективной реструктуризации предприятий и распределению рабочей силы в экономике. До 1 ноября 1998 г. правительство внесет новый проект КЗоТ, который приведет законы о труде в соответствие с требованиями рыночной экономики. Кодекс установит реалистичный минимум социальных гарантий, повысит роль индивидуальных трудовых соглашений, включая более упрощенную процедуру расторжения индивидуальных трудовых соглашений (такую, как исключение необходимости согласования вопроса с профсоюзами и требований нахождения альтернативного трудоустройства), и расширит возможности для заключения срочных трудовых соглашений и договоров о совместительстве. В Кодексе будут содержаться также положения, позволяющие обеспечить ориентирование социального партнерства на заключение и применение коллективных соглашений на уровне отдельных предприятий ...”⁷.

Обозначенные в Меморандуме направления либерализации трудового законодательства прямо расходились с конституционными принципами социального государства, социальной рыночной экономики, с объявленной Президентом и Правительством в самом начале реформ задачей формирования в России взаимоотношений наёмных работников и работодателей по типу социального партнерства.

Третий фактор перемен в социально-трудовом законодательстве - **периферийный характер капитализма**, который формировался и сформировался в России в ходе и в результате реформ 1990-х годов.

⁷ См.: газета “Солидарность”, 1998, № 15.

Россия не относилась до реформ к неразвитым странам, это реформы отбросили её на периферию капиталистического мира.

Система найма и в целом социально-трудовые отношения на периферии капиталистического мира отличаются от подобных отношений в развитой части капиталистической системы не отставанием во времени, не неразвитостью, а *принадлежностью к иному типу*. Периферийные капиталистические социально-трудовые отношения имеют специфические свойства.

Главное из этих свойств состоит в том, что в периферийной своей части капиталистическая система *допускает то, что в развитой части этой же системы считается недопустимым*. Социальные (в том числе социально-трудовые) права, до признания которых мировое сообщество дошло как до общепризнанных принципов и норм в XX веке, неприменимы (то есть сознательно и систематически игнорируются) на периферии капиталистического мира. При этом в государствах периферийного капитализма законодательство зачастую содержит формулы норм социального права из Всеобщей декларации прав человека ООН, из Международного билля о правах человека, из Европейской социальной хартии, из конвенций и рекомендаций МОТ и т.п. Однако нормы эти, во-первых, слишком общи и расплывчаты, а во-вторых, предполагают увязку с условиями и законодательством стран. Не соблюдать такие нормы властям и предпринимательству периферийно-капиталистических стран очень удобно. В силу периферийного характера российского капитализма у нас *не соблюдаются практически все “планки” минимальных параметров жизнеобеспечения*.

Так, для развитой (лидирующей) части мирового капитализма нормальный заработок должен обеспечивать достойное существование работника и его семьи. В российских правовых нормах об обеспечении семьи вообще нет речи – гарантированный государством МРОТ установлен на уровне прожиточного минимума трудоспособного населения. Но даже это положение правительство не вы-

полняет, а величина самого прожиточного минимума занижена в несколько раз.

Периферийный характер российского капитализма проявляется не только в исключительно низком уровне гарантированной государством минимальной оплаты труда, но и в низком уровне пособий по безработице, в неэффективной системе содействия трудоустройству, в низком уровне трудовых пенсий, в практической недоступности для большинства трудящихся качественного образования и медицинского обслуживания.

К этому следует добавить, что к концу 1990-х годов в практику работодателей прочно вошла дискриминация работников по профсоюзному членству – дискриминация членов новых профсоюзов. Правительство в начале 1990-х годов поддерживало новые профсоюзы, содействовало их созданию. Закон РФ 1992 г. “О коллективных договорах и соглашениях” открывал малочисленным новым профсоюзам возможность реально участвовать в коллективно-договорном регулировании социально-трудовых отношений. Но потом – когда новые профсоюзы в отличие от ФНПР стали пытаться вести себя действительно как профсоюзы – правительство отказало новым профсоюзам в поддержке. Вплоть до того, что новый Трудовой кодекс РФ ввёл нормы, которые *в наших условиях* означают монополию ФНПР как представителя работников, фактически нарушают принцип равноправия профсоюзов в коллективно-договорном регулировании. Кроме того, новый Трудовой кодекс отнял у профсоюзов право на объявление забастовок, признаваемое международными нормами, - последнее слово в принятии решения о забастовке оставлено за собранием (конференцией) работников.

Существует небезосновательное мнение, что трудовое законодательство России (прежде всего - Трудовой кодекс РФ) всё ещё весьма благоприятно для трудящихся. Это действительно так, если учесть, что российское трудовое законодательство оставляет за работниками возможность, отстаивая свои требования, бастовать по меньшей мере в течение суток без риска подвергнуться

каким-либо законным наказаниям; запрещает локауты и не запрещает забастовки солидарности; сохраняет пока что порядок распространения положений коллективных договоров и соглашений на всех работников, а не только на членов профсоюзов. Это такие положения, которые могут послужить изменению характера социально-трудовых отношений и существенному улучшению положения трудящихся в случае развития солидарного классового сознания трудящихся, в случае наращивания организованности и силы рабочего и профсоюзного движения, в случае относительного равновесия сил основных классов российского общества.

Следует подчеркнуть, что буржуазно-демократические преобразования сами по себе *не содержат каких-либо причин неизбежного ухудшения* положения большинства населения по сравнению с тоталитарным строем, во всяком случае, не содержат причин ухудшения существенных сторон социально-трудового положения. Напротив, антитоталитарная революция - это, по своей логике, историческая возможность существенного улучшения социально-трудового положения населения.

Реальность российских реформ 1990-х годов была существенно отлична от объективных (историко-логических) возможностей. В России сложилась наименее благоприятная для трудящихся разновидность капиталистических социально-трудовых отношений – периферийно-коло-ниальный их тип. Это не было ни следствием перехода от тоталитаризма к капитализму, ни следствием перехода к рыночным механизмам как таковым. Периферийно-коло-ниальный характер взаимоотношений между капиталом и трудом в России - ***следствие конкретно-исторических особенностей*** социально-структурных и социально-экономических реформ, которые проводились в рамках государственной политики формирования основ капиталистического строя в условиях отсутствия сколько-нибудь действенных сил, отстаивающих переход к так называемому цивилизованному капитализму. Трудящиеся не предъявляли и не отстаивали в ходе реформ свои ин-

тересы как реальная социальная сила, как субъект социальной политики.

Конкретно-историческими особенностями российских реформ 1990-х годов, сформировавших периферийно-зависимый тип социально-трудовых отношений, были, как минимум, следующие.

а) *Неподготовленное скоропалительное* открытие экономики для иностранной конкуренции.

Государство, открыв российскую экономику для иностранной конкуренции, осуществляло при этом монетаристскую политику - политику отказа от сколько-нибудь серьёзных, действенных мер по социальной защите населения и по экономической поддержке отечественного производства. На предприятия легло непосильное бремя не только потому, что у них не было времени для подготовки к открытию экономики, но и потому, что оборотные средства были фактически конфискованы повышением цен на сырьё, электроэнергию, топливо и пр. в результате так называемой либерализации (освобождения) цен 2 января 1992 г.

“Естественной”, так сказать, реакцией хозяйственников стали экономия на оплате труда и незаконное (скрытое теневое) предпринимательство (теневой бизнес к середине 1990-х годов достиг паритетной величины с легальным). И к тому же хозяйственники прекратили по сути обновление (модернизацию) производства, что лишило их перспективы стать конкурентоспособными в будущем.

Включение (интеграция) российской экономики в мировое хозяйство, в глобализационный процесс в *роли донора, жертвы капиталистической глобализации* - такой итог был предопределен неконкурентоспособностью российских предприятий на мировом рынке в условиях открытой экономики.

б) *Форсированная и принудительная* (по срокам, методам и результатам распределения национальных ресурсов) приватизация государственных предприятий в условиях резкого обнищания большинства населения.

Приватизационная реформа привела не только к растаскиванию госсобственности, но и к переносу центра хозяйственных интересов и хозяйственной жизни из реального сектора экономики в спекулятивный сектор.

в) *Гипертрофированная* вовлечённость государства в процесс создания крупных частных состояний.

Кроме государственного бюджета и иностранных займов, источником вливаний в крупную частную собственность при непосредственном участии государства было урезание доходов населения при помощи включения правительством механизмов гиперинфляции (потом – ощутимой инфляции) и при помощи периодического использования конфискаций доходов, сбережений и оборотных средств (1992, 1994, 1998 гг.).

Государство перераспределяло средства в столь значительных масштабах, которые характерны для социальных государств, но только в другом направлении – не от богатых к бедным, а от бедных к богатым.

Крупномасштабные перераспределения ресурсов создали нежизнеспособную модель хозяйствования, возникла неустойчивость, застойная кризисность хозяйства и общества.

г) Практический уход государства от выполнения своих *конституционных обязанностей* по обеспечению социально-трудовых прав и свобод.

Речь идет даже не о выполнении конституционных обязанностей на уровне социального государства (статья 7 Конституции РФ), тут всё прозрачно ясно. Речь идёт о выполнении элементарных обязанностей буржуазно-демократического государства в области защиты социально-трудовых прав и свобод.

Главный механизм уклонения государства от выполнения своих конституционных обязанностей - фактический мораторий на правопорядок в 1990- годы.

Было фактически парализовано правоприменение в социально-трудовой сфере. Принят был ряд неплохих законов - необходимый и достаточный их круг в социально-

трудовой сфере, но государство либо блокировало их применение, либо выхолащивало существо решений при исполнении. Так, на закон “Об индексации доходов населения” был наложен мораторий, закон о прожиточном минимуме не вводится в действие, обязанность устанавливать минимум оплаты труда выполняется сугубо формально (к такому “выполнению” применимы известные слова: “по форме правильно, а по существу - издевательство”).

С 1996 г. правительство упорно повело линию на налаживание правопорядка не за счёт выполнения социальных обязательств государства и соблюдения законов, а методом отмены фактически не исполняемых законов и отмены (сокращения) социальных обязательств государства.

Основные следствия конкретно-исторических особенностей реформ 1990-х годов в сфере социально-трудовых отношений можно обозначить следующим образом.

1. Не были созданы, напротив, **были подорваны** основы нормального функционирования социально-трудовых отношений.

Был *нарушен закон необходимого продукта*, в соответствии с которым доходы трудящихся должны обеспечивать нормальный, привычный уровень жизни (резко снизился объем ресурсов, направляемых на оплату труда и на доходы, поступающие к трудящимся из бюджета и внебюджетных фондов). Возникла общероссийских масштабов *недобросовестная конкуренция на рынке труда* – обычным явлением стали массовые нарушения социально-трудовых прав и свобод, стал функционировать криминальный (теневой) рынок труда, для которого характерны социальная незащитность работника, безответственность предпринимателя, сговор работника и работодателя относительно игнорирования социального и трудового законодательства.

2. Упадок производства лишил большинство трудящихся не только продуктивной по мировым меркам занятости, но и привёл к массовой скрытой и открытой безра-

ботице, к образованию депрессивных регионов, к оттеснению значительной части населения на “социальное дно”. Словом, упадок производства привёл к **люмпенизации, деклассированию** значительной части населения.

3. Процесс абсолютного обнищания (снижения уровня жизни) большинства трудящихся привёл к чрезмерно большой, ненормальной для развитых стран дифференциация доходов. Этот процесс всё больше приобретает форму **устойчивой сегрегации населения** на нужное и не нужное мировому капиталистическому рынку.

Закрепляется нищенский уровень оплаты труда большинства трудящихся – тех, что заняты в производствах, не нужных мировому рынку. Относительно благополучно положение меньшинства трудящихся – тех, что заняты в производствах, нужных мировому рынку (в экспортных производствах, на предприятиях ТНК). Но работают они в условиях повышенной (по сравнению с Западом) степени эксплуатации без реальной перспективы подтягивания оплаты труда и корпоративных “социальных пакетов” до уровня, сравнимого с Западом.

4. Произошла **массовая деградация занятий населения** при общем понижении культуры труда и качества рабочей силы. Появились новые и распространяются старые “профессии”, которые характерны для процесса социальной деградации общества.

5. Наконец, **социально-психологический аспект** результатов реформ: возникновение феномена “неуверенности в завтрашнем дне” (результат перевода трудящихся в режим выживания) и вследствие этого - идеализация в массовом сознании советского прошлого; маргинализация массового сознания, в том числе формирование (особенно в молодежной среде) имперско-фашистского типа сознания.

Есть ли существенные отличия в развитии социально-трудовых отношений, в системе их регулирования в 2000-е годы по сравнению с 1990-ми? Произошёл ли перелом тенденций?

Попытки вырваться с периферии мировой капиталистической системы, наладить элементарный правопорядок в стране, преодолеть криминальный характер экономических процессов предпринимаются. Однако если говорить о социально-трудовых отношениях, то приходится констатировать, что после 17 августа 1998 года положение в социально-трудовой сфере скачкообразно усугубилось и осложнилось. Опасность финансового банкротства страны отвела внимание государства и общества от предельного состояния кризисности социально-трудовой сферы.

Несколько лет благоприятной конъюнктуры на мировом нефтяном рынке дали передышку правительству и время для нормализации социально-трудовых отношений. Но пока нет достаточных оснований для вывода хотя бы о начале преодоления деформаций социально-трудовых отношений, вызванных реформами 1990-х годов. Напротив, они приобретают устойчивый, хронический характер.

В России были предпосылки стать развитой страной после демократической революции 1989-1991 гг., но созидательный потенциал разрушался в ходе реформ. Это были не чьи-то промахи или временные трудности перехода, это была логика строительства в России периферийной части капиталистического мира, логика, которая надёжно воспроизводит дистанцию между Россией и развитой частью капиталистической системы.

В 2000-е годы в развитии социально-трудовых отношений по-прежнему не прослеживается ничего общего с движением в сторону реального (а не формально-процедурного) социального партнёрства, в сторону становления демократического социального государства – политической формы социальной рыночной экономики, социал-партнёрских трудовых отношений.

3.3. Трансформация системы социальной защиты населения

Социально-структурные реформы 1990-х годов сопровождались существенными переменами в государ-

ственной организации системы социальной защиты населения.

Социальная защита – это защита *нормального* социального положения от социальных рисков (рисков социального происхождения). Возникновение новой системы социальных рисков, закономерных для капиталистического строя, объективно требовало коренной реформы социальной защиты.

В тоталитарном обществе единственный субъект действия в сфере социальной защиты (единственный “защитник”) – государство.

В буржуазно-демократическом обществе в системе социальной защиты помимо государственных гарантий присутствуют и иные (страховые и коллективно-договорные) защитительные механизмы. Их назначение – повысить уровень социальной защищённости по сравнению с государственными гарантиями.

Роль демократического государства в системе социальной защиты – формирование принципиального облика взаимоотношений между социально-классовыми группами. Государственные социальные гарантии (круг социальных обязательств государства), закреплённые конституционно и в других законных нормах, создают основу системы социальной защиты и обеспечивают устойчивость социальной защищённости всех и каждой социальной группы.

В России в 1990-х годах, напротив, стала проводиться линия на фактическое *разгосударствление* социальной защиты, на сужение круга и объёма государственных гарантий, уменьшение масштаба охвата населения государственными гарантиями. При этом выполнение обязательств государства, функционирование всех других механизмов социальной защиты в значительной степени торпедировалось разлаженностью системы правоприменения и правопорядка.

Социальная защита на принципах “отделения” от государства – такая тенденция в социальной политике означала снятие с государства его обязанностей по контролю и регулированию важнейших параметров уровня и условий

жизни населения. Это отрицательно сказалось на социальной защищённости в первую очередь трудящегося большинства.

Нормальная для развитых капиталистических стран система социальной защиты должна непременно охватывать всех без исключения граждан, все социальные группы. Она должна при этом строиться, исходя из дифференцированного (нормально неравного для капиталистического общества) социального положения. Этот принцип также был нарушен при проведении шоковых реформ.

Правительство *отказалось от всеобщности* социальной защиты (от охвата защитой всех граждан) и перешло к социальной защите “по возможностям государства”. Эти возможности в период первоначального накопления капитала были сознательно ограничены скудными средствами для защиты “слабых” - так называемых социально уязвимых слоев общества⁸. Социальные группы, не включенные в состав “наиболее уязвимых” (и наёмные трудящиеся, и предприниматели, и др.), строго говоря, оказались лишёнными части своих социальных прав.

Прежняя (советских времён) система социальной защиты обеспечивала большинству населения хоть и нищенское, но устойчивое социально-экономическое положение. В период шоковых реформ старая система социальной защиты была разрушена, но взамен старой системы не создавалась такая новая, которая эффективно защищала бы население от рисков рыночно-капиталистической экономики. Правительственная социальная политика не укладывалась даже в формулу “защита слабого и неимущего”, провозглашённую на переходный период к рынку⁹.

⁸ Из выступления Президента Б.Ельцина на Пятом (внеочередном) Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г.: “...Мы будем помогать прежде всего наиболее нуждающимся социальным группам ... Новая задача нашей социальной политики – создание адресной системы социальной помощи наиболее уязвимым слоям населения, детям” (См.: Советская Россия, 29 октября 1991 г.).

⁹ См. там же.

И в период шоковых реформ, и во второй половине 1990-х годов политика государства в области социальной защиты строилась на следующих основных принципах:

- минимизация государственных расходов на социальную защиту;

- подмена принципа гарантированной социальной защиты эпизодической поддержкой (нередко - частичным компенсированием);

- запаздывающая и недостаточная поддержка явно деградирующих слоёв населения (вместо проведения опережающих мер социальной защиты);

- бессистемное проведение социальных мероприятий по преимуществу как вынужденных уступок под давлением “снизу”;

- использование мер по социальной защите в качестве способа нейтрализовать или привлечь на свою сторону фактически или потенциально наиболее мощные политические силы (например, шахтёров, научившихся солидарно бастовать);

- преувеличение в пропагандистской деятельности государства реального значения различных уступок и поощрений населению (типа ваучеров, бесплатных акций без права голоса и пр.).

Главной особенностью государственной политики социальной защиты в 1990-е годы был не только уход государства от ответственности за формирование нормального уровня и достойных условий жизни граждан. Российское государство, взяв линию на всемерное содействие форсированному первоначальному накоплению капитала, оказалось не главным социальным защитником населения от рисков социального происхождения, а *одним из основных непосредственных источников социальных рисков*. Эта особенность, что интересно отметить, признавалась в некоторых документах правительства в середине 1990-х годов.

Проиллюстрируем логику (принципиальный курс) российского государства в трансформировании системы со-

циальной защиты в 1990-х годах двумя эпизодами, связанными с пенсионным делом.

По отношению к населению в социальной политике государства в 1990-х годах преобладало конфискационное начало. Об урезании трудовых доходов (зарботков, пенсий, страховых платежей) уже было сказано выше. При анализе государственной социальной политики в 1990-х годах редко заходит речь о других конфискациях. Самые большие из них - непризнание правительством и государством страховых обязательств перед населением, возникших ещё в СССР. Новая Россия унаследовала имущество СССР, но не признала и до сих пор не признаёт его обязательств перед населением. А с этим в решающей мере связана дистрофия всего социально-страхового дела в современной России.

Существовавшая в СССР система распределения и движения средств в хозяйстве не ставила целью прозрачно отразить их конечное предназначение. Централизация ресурсов в "общий котел" - госбюджет, а затем выделение целевых ассигнований из бюджета - такой была принципиальная схема. Издержки производства содержали лишь символическую величину на месте той части необходимого продукта, которая дополняет заработную плату. То есть издержки предприятий занижались за счёт того, что часть необходимого продукта, потребная для страхования и резервирования, изымалась в основном не в форме страховых платежей, а через налоги (в основном через налог с оборота) и отчисления от прибыли в бюджет.

Такой механизм движения значительной части необходимого продукта сосредоточивал средства на социальную защиту в руках (на счетах) государства. **Эти средства и сейчас составляют часть государственной собственности.** В силу своего предназначения эта часть государственной собственности не должна была перейти в частные руки ни при какой приватизации. А если перешла - значит конфискована государством.

С начала реформ были введены страховые и резервные платежи во внебюджетные государственные фонды.

Размер платежей в момент введения был соразмерен задачам социальной защиты. **Но подчеркнём - ибо это принципиально важно! - размер введённых с начала реформ обязательных страховых платежей был достаточен для социальной защиты только работающих. Потребности социальной защиты нетрудоспособных этими платежами не покрывались и не должны были покрываться, так как закончившие трудиться (или проработавшие уже по 10-15 лет) поколения уже накопили средства для своей социальной защиты (полностью или в значительной мере).**

Позже, при резком понижении реальных заработков размеры платежей стали совершенно не соразмерными задачам социальной защиты. Но общий подход остался прежним. Если даже поднять обязательные платежи до объективно необходимых размеров, это решит задачи социальной защиты только тех, кто начинает трудиться. Средства же для социальной защиты тех, кто ещё жив и трудился до начала радикальных реформ частично (в немалых объемах) находятся в составе государственной собственности.

Шоковый метод реформ широко использует конфискации. В явном виде были конфискованы денежные сбережения населения. Средства на социальную защиту также конфискованы, но как бы в скрытом виде. Было объяснено, что общественные иждивенцы (прежде всего пенсионеры) получают пенсии за счёт страховых взносов ныне работающих. Это подлог, это конфискационный трюк. Он игнорирует природу пенсионных, а отчасти и страховых фондов как резервных, отложенных для будущих трат теми, за кого или кем в течение трудовой жизни вносились страховые платежи.

Стало быть, возникающая с начала реформ система социальной защиты обречена на хроническую дистрофию, на хронический недостаток средств, поскольку накопленные до начала реформ средства на социальную защиту были сосредоточены у государства, а с началом реформ

конфискованы государством. Конфискация состояла в непризнании государством наличия исходных накопленных ресурсов для социальной защиты и в организации практики пенсионного обеспечения, медицинского и социального страхования исключительно за счет текущих страховых платежей.

Государство должно было вернуть народу средства для социальной защиты, накопленные до начала реформ. Для этого государство должно было передать часть своей собственности государственным внебюджетным фондам. Оно этого не сделало и даже не подумало сделать. По расчётам Б.В.Ракитского, проведённым в 2001 г. по занижающей методике, государство конфисковало (не передало в пенсионный фонд России) средства на выполнение пенсионных обязательств, образовавшихся ещё в СССР, в сумме, равной по покупательной способности, как минимум, 1200 млрд. долларов США.

Но этим не ограничились государственные посягательства на пенсионные средства и другие социально-страховые средства. Поначалу в 1990-х годах вновь организованные внебюджетные фонды обязательного государственного страхования были недоступны для исполнительной власти (для федерального правительства). Это принесло положительные плоды в 1992-1993 годах, когда бушевала гиперинфляция, но Пенсионный фонд России, подчинённый непосредственно Верховному Совету РФ, всё же обеспечивал существенную индексацию пенсий. После государственного переворота сентября-октября 1993 г. ПФР оказался подчинённым исполнительной власти, и индексация пенсий прекратилась. Правительство Черномырдина вынудило внебюджетные фонды вкладывать немалые, а то и все свои средства в ГКО, так что дефолт 1998 г. принёс новую конфискацию средств этих фондов.

История конфискаций средств, предназначенных для социальной защиты населения России, в 1990-е годы пока не написана. Но обязательно будет написана.

3.4. Принципиально новые подходы к социальному хозяйству (к системе отраслей особого социального предназначения)

Социальное хозяйство - обобществленная часть крупного народнохозяйственного комплекса отраслей жизнеобеспечения населения, организуемая и управляемая государственными и муниципальными органами власти¹⁰. К социальному хозяйству относятся просвещение, образование, культура, здравоохранение, жилищное хозяйство, коммунальное хозяйство, санаторно-курортный комплекс, оздоровительный и туристический комплекс (без экспортной части), физкультура и спорт (без профессионального спорта), социальная работа и др.

В содержательном плане социальное хозяйство как крупный народнохозяйственный комплекс вычленяется в составе хозяйства страны не по технико-технологическим особенностям и не по месту его отраслей в производственной кооперации труда, а по общему для его отраслей **социально-хозяйственному предназначению**.

Социальное предназначение социального хозяйства предопределяет **социальную заданность профиля его отраслей**. Это те отрасли, которые без воздействия государства и общества в целом не получают необходимого и достаточного развития, а потому решения о их развитии или свёртывании нельзя принимать *сугубо экономическим* методом покупательского "голосования рублём" на товарных рынках. Сугубо экономические методы годятся, когда они не расходятся с социальными задачами. А когда расходятся - приоритет за социальными задачами. Так устроено любое общественное хозяйство. Социально-

¹⁰ См. статьи "Хозяйство социальное" в Толковом словаре "Социальная политика" (М.: Изд. РАГС. 2002) и в Энциклопедии "Социальная политика" (М.: Альфа-Пресс. 2006).

хозяйственное предназначение, социальная заданность вложения и использования ресурсов - это и есть закономерное обеспечение приоритета (первенства) социальных задач (целей, интересов) при организации и деятельности некоторых отраслей реальной экономики, образующих социальное хозяйство.

Исторически все отрасли обобщественного сектора социального хозяйства сформировались именно из желания общества и государства повысить в общем объёме потребления долю средств на удовлетворение потребностей, недооцениваемых индивидуальными потребителями (менее для них настоятельных, а с общественной точки зрения очень важных). В той мере, в какой потребители готовы тратить достаточно средств на удовлетворение общественно приоритетных потребностей, нужды в дотировании и льготировании их потребления нет. Напротив, в той мере, в какой индивидуальные потребители “недооценивают”, по мерке общественных приоритетов, те или иные потребности, общество и государство “опекают” эти потребности, добиваясь должного их удовлетворения путем льготного, дотационного или бесплатного предоставления. Эта деятельность общества и государства приобретает вид обобществлённого сектора социального хозяйства, сектора социальной приоритетности, предмета государственных и общественных социальных программ.

Социальное хозяйство, повторим, имеется в любом обществе, но в обществах, организованных по моделям социального государства, его роль заметнее и существеннее.

В тоталитарном СССР имело место тоталитарное социальное государство. Социальное хозяйство развилось в связи с этим в обширный и жизненно важный для населения сектор (комплекс). Он управлялся в СССР, как и другие комплексы и отрасли, командно-карательными методами посредством директивного установления вышестоящим органом хозяйственного управления нижестоящему звену программы выпуска (производственной программы) и программы поставок (обслуживания), а также норматив-

вов расчётов (твёрдых цен). Тоталитарное государство решало вопросы стратегической направленности, приоритетности, объёмов финансирования и кредитования, а также дотирования отраслей социального хозяйства, капиталовложений в это хозяйство. Общей направленностью решений были минимизация государственных затрат на поддержание социальных условий жизнедеятельности народа, кастовая дифференциация этих условий при том, что в целом централизованное рacionamento и нормирование потребностей населения и уровней их удовлетворения носило сдерживающий характер (если и не аскетический, то спартанский).

В демократическом обществе социальная заданность и сбалансированность социального хозяйства складывается как результат социальной политики, под влиянием взаимодействий множества реальных самостоятельных субъектов (социальных групп и их представителей, среди которых ведущую роль играет демократическое государство). Инструментами при этом служат бюджетные предназначения для расходов на социальное хозяйство, социальные программы, хозяйственные планы, конкурсы на государственные заказы, поставки и закупки и т.п.

Понятно, что с падением тоталитарного режима прежние методы регулирования социального хозяйства должны были уступить место новым, демократическим методам. Но это не означало игнорирования потребности общества в социальном хозяйстве и не снимало с государства и местных властей обязанности обеспечивать нормальную работу учреждений просвещения, культуры, образования, социальной работы, жилищно-коммунального обслуживания, здравоохранения и т.п.

К сожалению, ультралиберальная идеология шоковых реформ (идеология монетаризма) основана как раз на идее ухода государства из всех сфер хозяйствования. Отсюда установка на отказ от социального хозяйства как комплекса отраслей (и учреждений) особенного социально-хозяйственного предназначения. По логике ультралиберализма, любое предприятие без всякого исключения

действует только по законам свободного рынка, подчиняется регулирующим требованиям только рынка, улавливает только сигналы индивидуального платёжеспособного спроса - “голосования непосредственного потребителя рублём”.

В соответствии с ультралиберальной установкой шоковых реформаторов были разработаны планы “социальной ваучеризации”, то есть передела собственности на учреждения социального хозяйства. Исполнение этого плана в полном объёме было отложено, а потому костяк учреждений социального хозяйства остался-таки в государственной и муниципальной собственности. Однако реальные государственные расходы на социальное хозяйство были резко сокращены, был взят курс на сужение круга и сокращения объёмов бесплатных и льготных услуг учреждений социального хозяйства, на перевод части привычных для населения услуг с бесплатной и льготной основы на частичную или полную платность. Некоторые из подотраслей социального хозяйства (например, уникальная подотрасль российского здравоохранения - санаторно-курортное дело) были по сути приговорены реформаторами к полной ликвидации (или перерождению) на том основании, что “в развитых странах капитала таких отраслей нет”.

Нищенским стало положение врачей, учителей, библиотекарей, медсестёр, санитаров, доцентов, профессоров, воспитателей и нянь детских дошкольных учреждений, всего рядового персонала учреждений социального хозяйства. Нищенский уровень зарплаток за нормальный рабочий день дополнялся многомесячными задержками выплаты уже начисленных зарплаток. Это привело к чрезмерному совместительству и чрезмерному удлинению рабочего времени, к падению качества обслуживания, к массовому оттоку или деквалификации кадров.

Недопустимо изнашивалась материально-техническая база социального хозяйства, погружаясь по преимуществу в полуразрушенное и аварийное состояние. Немало детских садов и яслей было закрыто, а их помещения

проданы или сданы в аренду коммерческим структурам. Значительная часть материально-технической базы вузов сдавалась (и до сих пор сдаётся) в аренду коммерческим структурам. Такая же картина сложилась и в учреждениях здравоохранения.

Конфискационные меры (вроде “ликвидации инфляционного навеса” 2 января 1992, “чёрного вторника” 1994 г., “дефолта” 1998 г.) скачкообразно подрывали финансовое положение отраслей социального хозяйства и урезали реальные доходы персонала.

В целом отрасли социального хозяйства России в 1990-е годы непрерывно деградировали, разрушались. Правительство России обратило внимание на эти процессы разрушения только в середине 2000-х годов. Но об этом будет сказано специально в разделе 4.

4. Сравнительный анализ государственной социальной политики 1990-х и 2000-х годов: преемственность и существенные отличия

Наиболее полными и авторитетными источниками для характеристики государственной социальной политики в 2000-х годах являются, несомненно, во-первых, Послания Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию РФ, во-вторых, - “Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года”, подготовленная Центром стратегических разработок в 2000 г., и, в-третьих, - “Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу” - так называемая “Программа Г.Грефа”. В определённой мере дополняют эти документы материалы, связанные с Приоритетными национальными проектами.

Первое, что требуется констатировать, - **государственная социальная политика 2000-х годов по своему характеру и направленности является несомненной преемницей и продолжательницей государственной социальной политики 1990-х годов.** Несмотря на иные, возросшие ресурсные возможности подходы государства к постановке и решению социальных

проблем не только не смягчены по отношению к населению, но и усугублены. Риторика о социальном государстве оставлена в стороне от реальных действий государства. О либеральных подходах к социальной политике как о государственных подходах заявлено прямо и определённо.

Подтвердим эти выводы двумя выдержками из документов.

В упомянутых выше “Основных направлениях...” объясняется: “Сценарий модернизации, основанный на высвобождении частной инициативы и усилении роли государства в обеспечении благоприятных условий хозяйствования, включая финансовую и социальную стабильность, балансирует элементы двух других вариантов стратегии (радикально либерального и патерналистского - прим. БР и Г.Р.). Вместо социального государства (патернализма) и приватизации социальных функций (радикального либерализма) создаётся “субсидиарное” государство, которое обеспечивает социальные гарантии в той мере, в которой общество не может сделать этого самостоятельно”. Мера социальных гарантий, как выяснилось после “монетизации льгот” и реформы ЖКХ, оставлена на таком уровне, как будто “общество” практически всё “может сделать самостоятельно”.

Это представление о целях проводимых преобразований изложил и Президент В.В.Путин в своём первом же Послании Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г.:

“Шестое направление - реалистичная социальная политика. Я говорю шестое, но его можно было поставить, конечно, на первое место по значимости. Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна. Отказ от неё диктуется как необходимостью наиболее эффективного использования финансовых ресурсов, так и стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких”.

В том же Послании Президент РФ В.В.Путин подтвердил отказ от принципа всеобщности социальной защиты,

сведение её к поддержке “социально уязвимых” слоёв (так называемая “доктрина Ельцина”):

“Социальную политику будем проводить на принципах общедоступности и приемлемого качества базовых социальных благ. А помощь предоставлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума. Дети министров могут обойтись без детского пособия, а жёны банкиров - без пособия по безработице”.

Одним из краеугольных камней, на которых выстроена преемственность социальной политики 2000-х по отношению к социальной политике 1990-х, является постановка и решение вопроса о восстановлении дореформенных уровней параметров благосостояния (прежде всего - разных видов доходов). Все виды доходов большинства населения в 1990-е годы были значительно урезаны. Надо напомнить при этом, что уровень дореформенных трудовых доходов был в разы ниже соответствующих западноевропейских (например, заработок за сопоставимую работу в СССР в 1970-е годы был в 3-4 раза ниже западноевропейского). В итоге шоковых реформ трудовые доходы в России стали почти или более чем на порядок ниже западноевропейских. К началу 2000-х остро стал вопрос о восстановлении уровней доходов, то есть о прекращении феры российскому предпринимательству за счёт населения. Президент РФ В.В.Путин не ушёл от этого вопроса, дал в самом начале своего президентства чёткий ответ на него. В дальнейшем он не раз так или иначе возвращался к этому вопросу и всегда отвечал на него последовательно. Смысл подходов и ответов был однозначным: сложившийся в итоге реформ уровень доходов населения надо воспринимать как новый нормальный стартовый уровень; просто восстанавливать дореформенный уровень доходов государство не собирается; любой прирост доходов должен быть “заработан” повышением ли производительности труда, ростом ли общей эффективности хозяйства.

Приводим важнейшие высказывания и установки Президента РФ В.В.Путина на этот счёт.

Из Послания Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000:

“Нынешняя система социальной поддержки, основу которой составляют безадресные социальные пособия и льготы, устроена так, что расплывает государственные средства, позволяет богатым пользоваться общественными благами за счёт бедных. Формально бесплатные образование и здравоохранение фактически платны и порой недоступны для малообеспеченных; детские пособия мизерны и не выплачиваются годами; пенсии скудны и не привязаны к реальному трудовому вкладу.

Утвердилась государственная ложь, и в этом зале, наверное, уместно будет об этом сказать - мы принимаем многочисленные законы, заранее зная, что они не обеспечены реальным финансированием. Просто из политической конъюнктуры продавливаем то или другое решение. У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства и строго исполнять те, которые мы сохраним. Только так можно восстановить доверие народа к государству”.

Из Послания Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003:

“... хочу привлечь ваше внимание к еще одной проблеме. Суммарный годовой объем социальных обязательств государства составляет сегодня 6,5 триллионов рублей. Это почти вдвое превышает размеры консолидированного бюджета России. И исполнительная, и законодательная власти за многие годы наобещали людям столько, сколько российская экономика дать просто не в состоянии. Мало того, под популистскими лозунгами и, обманывая граждан страны, невыполнимые обещания наращиваются. Некоторые политики, к сожалению, стремятся нарастить их и сегодня. Кроме обманутых ожиданий, серьёзным последствием роста пустых обещаний становится снижение качества текущей экономической политики. Это также порождает перекосы и конфликты в межбюджетных отношениях. В условиях, когда рост государственных расходов происходит более быстрыми тем-

нами, чем рост реальной экономики, — иного трудно и ожидать.

Думаю, уважаемые члены обеих палат Федерального Собрания и уважаемые главы регионов, нам всем вместе давно пора положить конец подобной политике. Власть не может, не должна, не имеет права обманывать граждан своей собственной страны. Уж если мы с вами людям что-то и пообещали, то нужно обязательно выполнять. Или лучше тогда не обещать, не делать этого”.

Установки Президента РФ о сокращении избыточных социальных обязательств государства претворены в жизнь в виде ряда мер. Крупнейшие из них - реформа ЖКХ (в части перехода к полной оплате населением жилищно-коммунальных услуг) и “монетизация льгот”.

Что касается зарплаток, то позиция государства была отчётливо сформулирована Президентом РФ на съезде ФНПР в ноябре 2006 г.

В России до сих пор сохраняется преднамеренно заниженный уровень заработка. Центральная социально-политическая проблема России сейчас - вовсе не дифференциация, а преднамеренно заниженный властью и бизнесом средний уровень заработка. На съезде ФНПР вопрос этот был поднят принципиально. Его поднял М.В.Тарасенко в своем выступлении. Он говорил, что пирог испечён, его пора делить принципиально по-другому, увеличить долю работника. Реакция Президента была немедленной и однозначной: эта постановка преждевременная и вредная. Затем в дополнительном слове В.В. Путин сказал, что, конечно, зарплата должна расти; дескать, мы это сами понимаем, что она должна расти, но производительность труда должна расти быстрее. То есть Президент России повторил сюжет, крайне характерный для советской идеологии: нормальное соотношение производительности труда и заработной платы складывается тогда, когда рост производительности труда систематически опережает рост средней заработной платы.

Но дело в том, что сейчас в России всё ещё не закончился период восстановления нормального уровня зара-

ботка (нормального для дореформенного состояния). В этот период неправомерно ставить вопрос о том, чтобы заработок рос с отставанием от производительности труда. Пока не будет восстановлен нормальный дореформенный заработок, до тех пор проблема соотношения роста заработка и производительности решается иначе - рост заработка в среднем должен опережать рост производительности. Позиция Президента РФ, как видим, оставалась последовательной: потребность восстановительного роста трудовых доходов не признаётся государством.

Практическая государственная политика доходов в 2000-х, конечно, не могла не считаться с потребностью их восстановления. Зарплаты росли быстрее, чем производительность труда. Заметно (в номинальном выражении) прирастали пенсии и пособия. Но идейная установка, отрицающая необходимость восстановительного роста трудовых доходов, отчётливо сказывалась на формах восстановления. Стали применяться разные способы надбавок "от щедрот". Например, надбавка участковым врачам общей практики (10000 рублей в месяц), медсёстрам (5000 рублей в месяц), докторам наук в вузах (7000 рублей в месяц) и т.п. Надбавки эти часто превосходят основные должностные оклады и выплачиваются по отдельной ведомости, не становясь зарплатой, не увеличивая системно организованную зарплату. Подобным же образом (как раздача "щедрот") действуют гранты школам. Между тем прирост МРОТ идёт таким образом, что федеральные гарантии минимальной оплаты труда не поднимаются выше уровня 15% от среднего заработка, то есть остаются символическими. (Напомним, что европейская норма соотношения минимального и среднего заработка - 60:100).

К середине 2000-х явно обозначился дуализм (двойственность) подходов в государственной социальной политике. Долгое время доходы от выгодной экспортной конъюнктуры считались неприкосновенными и не рассматривались как источники финансирования государственных мероприятий по социальной политике. Потом было провозглашено "Деньги есть!". Траты этих дополни-

тельных денег стали осуществляться по преимуществу обособленно от сложившейся раньше системы формирования доходов и финансирования социального хозяйства. Рядом со сложившимся порядком оплаты труда возникла система надбавок к заработкам, не увязанных в общем-то с трудовыми результатами. Возникли ассигнования по национальным проектам, призванные обеспечить качественную модернизацию некоторых отраслей социального хозяйства.

Наблюдения за первыми результатами возникшего дуализма подходов в государственной социальной политике наводят на мысль о неэффективности затрат в форме надбавок и финансовых инъекций. Обстоятельный доклад о нерациональности затрат по национальному проекту “Здоровье” сделала в 2006 г. Комиссия по проблемам здравоохранения Общественной палаты РФ¹¹.

Возможно, в форме ассигнований по национальным проектам реализуется та самая государственная “субсидиарность”, о которой официально заявлено в 2000 г. как об альтернативе как социальному государству (якобы “патернализму”), так и “радикальному либерализму”. Но в целом это не меняет принципиальной оценки государственной социальной политики 2000-х годов как явно жёстко либеральной.

Расхождения по вопросу о том, сохранять сложившийся с 1990-х годов жёсткий либеральный курс государственной социальной политики или менять этот курс, остаются на общественной повестке дня. Проведение жёсткого либерального курса привело в 2000-х годах к тревожным явлениям социальной сегрегации населения. При этом никакие крупные социальные проблемы, касающиеся социального положения большинства населения и создавшиеся в результате шоковых глобализационных реформ, за 2000-е годы не были решены и даже заметно не подвинулись в сторону своего решения.

¹¹ Рошаль Л. Ситуация остаётся критической. - Журнал “Российская Федерация сегодня” №21, 2006. Стр. 2-3.

Литература

Послания Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина Федеральному Собранию Российской Федерации 1994 - 1999 г.г.

Послания Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 2000 - 2007 г.г.

Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России) - М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с.

Ракитская Г.Я. Необъявленная реформа социально-трудовых отношений в 1990-е годы. - Журнал "Вопросы экономики". №9. 2003.

Рошаль Л. Ситуация остаётся критической. - Журнал "Российская Федерация сегодня" №21, 2006. Стр. 2-3.

Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Актуальность высокой методологии для исследований и практического осуществления социальной политики. - Периодическое издание "Перспективы и проблемы России". Выпуск 30. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 43 с.

Ракитский Б.В. Место и возможности современной России в глобализованном капитализме. - В кн. "Россия перед лицом глобализации". М.: 2004. Стр. 166-170.

Ракитский Б.В. Переход к новой модели народнохозяйственной пропорциональности. Лекция. - М.: 1999. 28 с.

Ракитский Б.В. Россия в поисках устойчивости. - В периодическом издании "Перспективы и проблемы России" Вып. 11. 1999. 76 с.

Ракитский Б.В. Мера разрушения при революциях: теоретические подходы и практика преобразований в современной России. - В кн. "Шансы российской экономики". М: Издательство ТЕИС.1997. Стр. 68-73.

Ракитский Б.В. Государственная экономическая политика как фактор и ресурс социально-экономического развития Республики Саха (Якутия). - В книге "Стратегия и

приоритетные направления устойчивого развития экономики Республики Саха (Якутия). М: 1998. Стр.16-35.

Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ (2-ое изд.) М.: ГУ ВШЭ. 2003. 437 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Множественность государственных и научных оценок важнейших исторических событий, процессов и общественных состояний в нашей стране в 1970-1990-е и в 2000-е годы	3
2. Тенденции изменения социального положения населения России и реальная социальная политика государства, начиная с 1990-х годов	10
3. Направленность общественного развития и характеристика основных социально-структурных реформ в 1990-х годах	15
3.1. Реформа собственности	23
3.2. Реформа социально-трудовых отношений ..	28
3.3. Трансформация системы социальной защиты населения	40
3.4. Принципиально новые подходы к социальному хозяйству (к системе отраслей особого социального предназначения)	47
4. Сравнительный анализ государственной социальной политики 1990-х и 2000-х годов: преемственность и существенные отличия	51
Литература	57

